

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДЫ

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Бахарев Иван Сергеевич, студент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, tutabarao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-5446>

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности образа Российской империи на основе дневника Франсиско де Миранды. Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать своеобразие языковой репрезентации дипломата, сформулировав основы его понимания России в период правления императрицы Екатерины II. В статье исследуется образ Российской империи, представляющий собой целостный концепт, который сложился из описания подданных империи, её территории, ресурсов, политических возможностей и культурных традиций. Основные элементы образа России у испаноговорящего путешественника и дипломата в целом соответствовали общей культуре восприятия иностранцами России в XVIII веке. Для глубокого понимания образа России на основании дневника де Миранды были сформулированы существенные ограничения: во-первых, круг общения де Миранды исчерпывался преимущественно аристократической средой, во-вторых, путешественник посетил в основном крупные города юга и центра России, в-третьих, поездка дипломата была связана преимущественно с соображениями будущей миссии в колониях. В этой связи сами воспоминания можно разделить на три главные части: а) общее описание Российской империи (географические пространства, архитектурные сооружения, социальные институты, образование, искусство, уровень хозяйственного развития, социальное неравенство, военное дело); б) описание и характеристика русских; в) отношение к России у иностранцев, повлиявшее на восприятие де Миранды.

Ключевые слова: Франсиско де Миранда, путешествие, Российская империя, репрезентативный образ, дневник, эпоха Просвещения, дипломатия, война, Латинская Америка, колониализм.

Для цитирования: Турыгин А.А., Бахарев И.С. Образ Российской империи в воспоминаниях Франсиско де Миранды // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 29, № 3. С. 82–88. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-82-88>

Research Article

THE IMAGE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MEMOIRS OF FRANCISCO DE MIRANDA

Alexander A. Turygin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, aturigin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Ivan S. Bakharev, student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, tutabarao@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-5446>

Abstract. The article is devoted to the specificity of the linguistic characteristics of the image of Imperial Russia based on the diary of Sebastián Francisco de Miranda y Rodríguez de Espinoza (Francisco de Miranda). The main purpose of the article is to analyse the identity of the author's linguistic representation, formulating the basis of his understanding of Russia during the reign of Catherine II. The article examines the image of the Russian Empire as a holistic concept, as well as linguistic descriptions of the country's inhabitants in order to generalise the information received and compile the image of Russia in the 18th century. To understand this image, based on the diary of Francisco de Miranda, some restrictions were made: firstly, because his social circle was limited mainly to aristocrats, and secondly, because of his considerations of a future mission in the colonies. For this reason, the entries of Francisco's diary can be divided into three thematic blocks: a) general description of Imperial Russia as a holistic image (geographical areas, architectural buildings, social concepts such as education and art, the level of economic development, social inequality, the military); b) characteristics of the Russians; c) foreigners' attitude towards Russia, that also affected the perception of Francisco de Miranda.

Keywords: Francisco de Miranda, journey, Russian Empire, representative image, diary, Age of Enlightenment, diplomacy, war, Latin America, colonialism.

For citation: Turygin A.A., Bakharev I.S. The image of the Russian Empire in the memoirs of Francisco de Miranda. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 29, № 3, pp. 82–88. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-3-82-88>

Имя Себастьяна Франсиско де Миранды-и-Родригеса (1750–1816) хорошо известно в странах Латинской Америки в связи с войнами за независимость испанских колоний, одна из которых сделала его национальным героем Венесуэлы. Однако знакомство и связи де Миранды с ключевыми персонами американской и европейской истории, имена которых в обыденном сознании идентифицируются с целой эпохой (Жильбер Лафайет, Фридрих II, Джордж Вашингтон, Екатерина II, Наполеон Бонапарт, Артур Веллингтон), как и его участие в знаковых исторических событиях (война за независимость США, Великая французская революция), если и не ставят его в ранг великих государственных деятелей, от решений которых зависели судьбы народов и империй, то как минимум создают венесуэльскому политику и дипломату репутацию «гражданина мира». Суждение подобного рода, несомненно, не позволяет дать единственно верную оценку личности де Миранды, поскольку источником для понимания масштабов его деятельности будут постоянные противоречия. Так, например, будучи креолом по рождению, де Миранда с недоверием и даже враждебностью относился к революционному движению креольских народов, оставаясь консерватором в вопросе о рабовладении, а его мысли о независимости народов Америки от Испании были связаны не с революцией «низов», а, скорее, с идеями спланированного и организованного под контролем «Цезаря» освободительного движения, желательно при поддержке дипломатического альянса [Bohórquez Morán 2001; Thibaud 2003].

В 1784 году де Миранда предпринял большое путешествие по Европе с целью получения информации и исследований, о чем сообщил в захватывающем дневнике путешествия. Части дневника де Миранды, относящиеся к России, были впервые опубликованы у него на родине в 1929 г., во втором томе «Архива генерала Миранды» [Archivo del General Miranda]. Перевод дневника на русский язык с последующей публикацией состоялся благодаря Институту всеобщей истории РАН только в 2001 г. [де Миранда].

Путешествие де Миранды началось 15 декабря 1784 года, когда он на торговом фрегате «Нептун» отбыл из США в Англию. Поводом для отъезда стали интриги, в которых был замешан де Миранда. В конфликте Франции и Испании из-за французской колонии Сан-Доминго (о. Гаити) де Миранда интриговал одновременно против французского и испанского двора. Из-за компрометировавших его документов

и при поддержке секретаря первого посольства США при английском дворе полковника Уильяма Смита де Миранда тайно прибыл в Лондон [Egea 1987: 56]. Англия, желавшая, так же как и Испания, получить французскую колонию Сан-Доминго, охотно поддерживала идеи де Миранды о достижении независимости латиноамериканских колоний, так как в случае успеха этой борьбы в будущем могла без особых усилий реализовать там свой колониальный проект. Вместе с полковником Смитом был составлен план путешествия, задачами которого стало обучение военной стратегии и поиск союзников среди монархов Европы. В качестве знатока военного искусства был выбран престарелый прусский король Фридрих II, а посещение Берлина должно было стать важной вехой самого путешествия [Egea 1987: 57]. Его маршрут пришлось корректировать, опасаясь выдачи французским властям, которые ещё в Америке подготовили на де Миранду основательный компромат [Raga-Perez 1961: 512–514].

После посещения Англии, Голландии, Пруссии, Дании, Швеции, Италии, Греции и Османской империи де Миранда прибыл в Россию, контакты с посланниками которой у него начались ещё в Далмации, адриатической республике, поддерживавшей отношения с Россией. Стремлению и интересу Миранды к путешествию по Российской империи можно найти два типа объяснений. Историк М.С. Альперович отмечает, что не стоит придавать большого значения политическим мотивам путешествия де Миранды хотя бы потому, что он ничего не знал о колониальных проектах России в западной части Северной Америки, а также усилившемся в то время противостоянии России и Испании в той части света [Альперович]. И.Р. Лаврецкий (Григулевич), напротив, предположил, что «русские, соперничающие с испанцами в Америке» были заинтересованы в независимости испанских колоний, что, так же как и Англии, в будущем сулило России множество преференций [Лаврецкий 1965].

23 августа 1786 года де Миранда с паспортом на имя графа де Миранды, выданным послом Священной Римской империи, в сопровождении американского полковника Джона Смита отплыл в Херсон, южные ворота Российской империи. На границе де Миранде, как и всем путешественникам, пришлось провести 40 дней в полной изоляции – меру, предпринятую русскими властями против чёрной оспы и иных распространённых в Османской империи эпидемий.

Де Миранда провёл в Российской империи почти год: с 26 сентября 1786 года по 7 сентября 1787 года. Он совершил долгое путешествие, проехав в общей сумме более четырёх тысяч километров: с юга империи до Петербурга. Наиболее продолжительными остановками де Миранды в России оказалось пребывание в течение более чем четырёх месяцев в Херсоне, трёхмесячная остановка в Киеве, отъезд оттуда в феврале 1787 года в Москву, где де Миранда оставался около месяца, и пребывание с лета по сентябрь 1787 года в Петербурге.

Как человек эпохи Просвещения де Миранда был склонен к самосовершенствованию, поэтому за время своего пребывания в России он стремился больше узнать о русской культуре, посещая многочисленные светские приёмы и участвуя в культурных мероприятиях. Общаясь преимущественно в аристократической среде, он день за днём открывал для себя имперское величие золотого века екатерининской России. Большую часть времени де Миранда посвящал изучению военной организации Российской империи, встречаясь с талантливыми полководцами П.А. Румянцевым, Г.А. Потёмкиным, А.В. Суворовым и заводя нужные знакомства среди тех, кто мог оказать поддержку его миссии и повлиять на императрицу. Вместе с тем как «участник войны за независимость британских колоний» де Миранда сам вызывал большой интерес у русской знати [Косторниченко 2018: 86].

Для понимания образа Российской империи у де Миранды, на основании его дневниковых записей, имеют значение два важных ограничения: *во-первых*, его круг общения исчерпывался преимущественно аристократической средой, *во-вторых*, соображениями будущей миссии в колониях. По этой причине дневниковые записи де Миранды можно условно разделить на три тематических блока:

1. **Общее описание Российской империи как целостного объекта** (географические пространства, архитектурные сооружения, социальные концепты, как образование или искусство, уровень хозяйственного развития, социальное неравенство, военное дело). Такое описание содержит как положительную, так и отрицательную оценку.

2. **Характеристика русских.** Изобретательный, высокорелигиозный, гостеприимный, толерантный, стойкий и в то же время похотливый, легкомысленный, суеверный, азартный, местами бесчестный народ – вот лишь некоторые характеристики, обнаруженные в описании де Мирандой личных встреч с представителями русского народа.

3. **Отношение к России у иностранцев**, к мнению которых де Миранда так или иначе прислушивался. Их мнение не всегда оглашалось при дворе, но при личных встречах иностранцы в России на-

ходили общий язык, обмениваясь собственным восприятием России.

Рассматривая концепт Российской империи в воспоминаниях дипломата, в нём [концепте] условно можно выделить шесть частей, описание которых представляется наиболее полным: вооружённые силы, экономическое и политическое устройство, систему образования, культурную и архитектурную составляющие.

Рассмотрение концепта целесообразно начать с анализа записей, характеризующих вооружённые силы, поскольку именно с них начинается дневник. Так, в записи от 18 ноября де Миранда отметит: «...*Войска обмундированы с большим вкусом, воинским изяществом и сообразно климату (на английский манер)*» [де Миранда 2001: 31]; далее, 1 декабря, он сравнит российский полк с «*небольшим селением со всем необходимым*» [Альперович 1986: 37].

Стоит подчеркнуть, что качество военно-морского флота дипломата тоже не разочаровывает: 1 января Миранда повествует о российском порте, в котором может «надёжно» укрыться эскадра, насчитывающая свыше ста линейных кораблей, отмечая, что «*в случае какого-либо повреждения ремонт займёт не более недели*» [де Миранда 2001: 61], поскольку верфь порта хорошо оборудована.

Рассматривая концепт вооружённых сил России, нельзя упустить и такую его составляющую, как военный состав. Так, солдатам сухопутных войск Франсиско де Миранда придаёт характеристики «*опрятность, бравый вид и крепкое сложение*» [де Миранда 2001: 43], а моряков описывает «*самыми крепкими и бравыми на вид людьми*» [де Миранда 2001: 59]. Крепкий, бравый, опрятный солдат, однако, в представлении Миранды получает крайне не малое жалование. В этом представляется противоречивость концепта. Так, в записи от 1 декабря де Миранда характеризует жалование солдат «*самым мизерным*» [де Миранда 2001: 37], 8 января указывает, что «*их труд [солдат] обошёлся бы столь дёшево (поскольку солдаты работают за пять копеек в день на каждого), что меньше и быть не может*» [де Миранда 2001: 64], 1 декабря отмечает: «...*Солдат редко ест что-либо, кроме хлеба с солью*» [де Миранда 2001: 37]. Указанные записи – не что иное, как примеры наличия в России серьёзной социально-экономической дифференциации населения.

Тема социально-экономического разрыва встречается и в других записях. Так, в записи от 12 декабря де Миранда рассказывает, как видел «*майора и полковника, с величайшей невозмутимостью проигрывавших в ломбер... за один присест от 100 до 300 рублей*» [де Миранда 2001: 43]; в записи от 24 мая приводит заработную плату работников ручного тру-

да: «по 25 рублей в год получают ткачи, а чесальщицы, прядильщицы и проч. по 12 рублей, иными словами, от пяти до десяти копеек в день» [де Миранда 2001: 193]. Опираясь на приведённые данные, можно сосчитать, что для игры в ломбер с майором и полковником (даже на 100 рублей) обычному прядильщику пришлось бы сначала отработать не менее 8 лет, что очередной раз подтверждает наличие величайшей пропасти в доходах разных слоёв населения.

Следующей составляющей концепта Российской империи является её экономическое положение. Так, применительно к мануфактурам как весомой части экономики дипломат чаще применяет описания положительного характера: «образцы шёлковых тканей, очень хорошего качества... по выделке, расцветке и прочности они ни в чем не уступают лучшим лионским шелкам...» [де Миранда 2001: 182]; «[шелка, парча и прочие ткани Милютинской мануфактуры показались] ...бесспорно лучшими и сделанными с большим вкусом, нежели все прочие, за исключением разве что лазаревских» [де Миранда 2001: 189].

Единственное, что Миранду не устраивает – качество рисунка на тканях, что прослеживается в записях за 19 и 22 мая: «рисунку немного недостаёт правильности и вкуса» [де Миранда 2001: 182], «рисунки на тканях никуда не годны» [де Миранда 2001: 187]. В целом, однако, концепт российских мануфактур представлен в дневниках с весьма благоприятной стороны.

В то же время при детальном изучении других записей представление о России как экономически развитой стране встаёт под сомнение: так, например, с концептом развитой экономики слабо сочетается широкая распространённость воровства: «в ворах здесь недостатка нет» [де Миранда 2001: 170], «в чистых, но без кроватей и каких-либо удобств камерах содержатся 125 мужчин и 16 женщин, в основном за долги» [де Миранда 2001: 314], ровно как и эпидемия сифилиса, большое количество страдающих от цинги: «Из 650 человек [пациентов] 200 больны сифилисом и 200 – цингой» [де Миранда 2001: 264]; «здесь из 260 человек 65 больны сифилисом и 30 – цингой» [де Миранда 2001: 264]; «200 пациентов, из них 33 женщины; 16 страдают сифилисом. Основная болезнь – цинга» [де Миранда 2001: 271]. Условию низкого дохода населения соответствуют и цены на российское жильё: «[мне сказали] что обычная цена – всего лишь от 20 до 24 рублей» [де Миранда 2001: 216], низкий уровень развития сельского хозяйства (так как население не имеет необходимых инструментов): «в сколь неразвитом состоянии находится в этой стране... земледелие» [де Миранда 2001: 216].

Стоит отметить и значительный объём неосвоенных территорий в пределах России, что также весь-

ма слабо коррелирует с концептом развитой экономики: «ни возделанных полей, ни жилья, сплошные тёмные и мрачные леса, лишь изредка мелькнёт деревушка в окружении жалких посевов» [де Миранда 2001: 218]; «[по дороге в Выборг] места здесь каменистые, покрытые лесом, признаки обрабатываемых земель видны лишь вокруг редко встречающихся деревушек» [де Миранда 2001: 301–302].

Таким образом, российская экономическая система в дневниках де Миранды представлена крайне противоречиво: имея развитые мануфактуры, страна не способна обеспечить значительную часть жителей даже базовыми продуктами (содержащими витамин С), оберечь от нужды в воровстве или снабдить современными орудиями земледелия.

В рамках рассмотрения концепта российской политической системы обратимся к записям де Миранды от 30 декабря, 10 января: «отправился ко двору, где собрались все самые ничтожные личности, какие есть в Херсоне... орава льстецов и плутов!» [де Миранда 2001: 48]. Не только льстецы и плуты, однако, имеют в России власть. 10 января де Миранда повествует о двух юношах 14–16 лет, «являющихся прямыми потомками Чингисхана», которым князь оказал честь, велел зачислить их младшими офицерами в гвардейский полк. «О, превратности судьбы! И таков путь, следуя которым вся российская знать начинает свою карьеру», – отмечает де Миранда [де Миранда 2001: 66].

Закрытый для большинства россиян, концепт российской власти, однако, представляется открытым для иностранцев. Так, в записи от 15 декабря дипломат описывает встречу с капитаном первого ранга на русской службе г-ном Пристманом, «англичанином по национальности», с женой, «уроженкой Брюсселя» [де Миранда 2001: 45], что демонстрирует доступность российских властных структур лицам другой национальности – очередную противоречивость концепта России.

Следующим пунктом настоящей работы станет рассмотрение российской образовательной системы. Концепт этот также неоднозначен, имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Так, в записи от 14 мая де Миранда пишет о собственном визите в местный университет, в котором, по словам директора Тонвизена, бесплатно обучают «французскому, русскому, немецкому, латинскому, итальянскому и английскому языкам». Приведя слова директора, де Миранда, однако, смещает фокус текста на личную оценку коллекции материалов по предмету «естествознание»: дипломат пишет, что преподаватель показал ему «скуднейшую коллекцию, относящуюся к сему предмету» [де Миранда 2001: 37168]. Бесплатное, но скудное образование – таким Миранда представляется данный университет.

Позднее этим же днём дипломат посетит другое учебное заведение: «106 учеников живут тут на полном пансионе благодаря щедротам государства, получая хорошее и широкое образование за 150 рублей в год». Здесь акцент текста, очевидно, поставлен на государственной поддержке образования, обозначенной словом «щедроты» [де Миранда 2001: 168].

Описания российской образовательной системы мы находим и в записи де Миранды от 29 января. В ней он описывает два учебных заведения: в первом из них «обучаются 72 юноши и иные желающие, платя по 12 рублей в год». За 12 рублей ученики получают возможность занятий с учителями грамматикой, французским и немецким языками, арифметикой и географией. Обучение во втором заведении, «для девиц», обходится ученицам в 36 рублей в год, и «там учат вышивать, читать, танцевать, петь, играть на фортепьяно» [де Миранда 2001: 78]. Следовательно, в российской образовательной системе наблюдается неравенство как в содержании мужского и женского образования, так и во взимаемой за него плате.

В своих дневниках де Миранда высоко оценивает архитектуру Российской империи. Например, он сравнивает Москву с Константинополем: «огромный город – 32 версты – на возвышенности с дворцами, садами и бедными лачугами, все вперемешку, что придает ему некоторое сходство с Константинополем» [де Миранда 2001: 165], описывает Мраморный дворец, являющийся «одним из лучших в мире зданий, заслуживающим внимания любого просвещённого путешественника» [де Миранда 2001: 290]. На основании этих примеров становится понятно, что архитектуру российских построек де Миранда оценивает высоко.

В то же время, однако, дипломат отмечает низкое качество строительных материалов, из которых эти постройки возводят: «Качество строительных материалов, особенно кирпича, показалось мне неважным» [де Миранда 2001: 33]; «и кирпич, и раствор далеко не лучшего качества» [де Миранда 2001: 224].

В записи от 15 декабря дипломат описывает демографическую ситуацию России. Так, согласно словам начальника полиции г-на Булгагова, «число жителей [в Херсоне]... достигает в настоящее время 40 тысяч душ... насчитывается 1200 достаточно добротных каменных домов, помимо множества хибар... и воинских барачков», при этом ещё в 1779 году там «не было ничего, кроме двух рыбацких хижин» [де Миранда 2001: 45]. Данная запись указывает на активное демографическое развитие страны.

Судя по записям де Миранды, однако, демография – не единственная сфера, проходящая в стране активное развитие. Так, в записи от 17–24 декабря де Миранда повествует о записках генерала Манштейна, описывающих Россию 1727–1744 годов. Дипломат

делает особый акцент на словах Манштейна, в соответствии с которыми «доходы империи [в годы исследования]... достигли 15 млн. рублей, тогда как во времена Петра I не превышали 5 млн.» Далее Миранда пишет: «Сейчас они возросли до 47 млн дукатов, а национальной долг составляет 40 млн дукатов» [де Миранда 2001: 46], из чего можно сделать вывод об активном экономическом развитии России. Активное развитие экономики, однако, слабо согласуется с бедностью широких слоёв населения, что делает общий концепт ещё более неопределённым.

Развитие описано и в сфере здравоохранения, учреждения которой в 1786–1787 годы условно делятся на два типа: открытые ещё при Петре Великом и открываемые уже при Екатерине II. Чистота, порядок и просторность Екатерининских больниц противопоставляется спёртому воздуху, дурному запаху, тесноте и грязи больниц времён Петра Великого [де Миранда 2001: 171].

Не все сферы России, однако, отмечены в дневниках развивающимися. Так, через активную деградацию проходит, например, сфера религиозных учреждений: «сейчас здесь живут 40 монахов и весь монастырский доход составляет 4 тысячи рублей... монастырь приходит в упадок... Раньше здесь было до 700 монахов, и монастырю принадлежало 25 тысяч крестьян» [де Миранда 2001: 199]. Следовательно, в рассмотрении концепта Российской империи с позиций отдельных сфер жизни также прослеживаются значительные противоречия: характеризуясь активным развитием в одних сферах, Россия отмечается стремительной деградацией других.

Рассмотрев основные характеристики, входящие в образ Российской Империи как общего концепта, перейдём к характеристикам, использованным де Мирандой в отношении населения страны.

Проанализированный портрет типичного жителя России в представлении де Миранды включает характеристики изобретательности: «в российских военных частях единственным “учителем” или способом обучения обыкновенно является палка» [де Миранда 2001: 41]; высокой религиозности: «побывали в церкви, где не было недостатка в публике» [де Миранда 2001: 35]; гостеприимности: «Прощаясь с гостеприимными хозяевами... мне было приятно общество столь благовоспитанных людей» [де Миранда 2001: 169]; образованности: «...человек огромных познаний и очень откровенный» [де Миранда 2001: 184], «я заметил книги, музыкальные инструменты, рукоделие, что свидетельствует о привычке [Их высочеств] к занятиям и о добродетели» [де Миранда 2001: 230].

Особого упоминания заслуживают и такие характеристики, как стойкость и сила духа, ранее уже отмеченные (13 декабря, 1 января), а также высокая толерантность: «[как приятно видеть людей]

не испытывающих ненависти, терпимых друг к другу!» [де Миранда 2001: 303].

Образ типичного жителя России, однако, содержит и негативные коннотации. При внимательном изучении текста находятся и такие характеристики россиянина, как бесчестность: «как утверждают, русские офицеры никогда не платят» [де Миранда 2001: 38]; азартность: «развлекались игрой в карты и лото, что является обычным времяпрепровождением в этой стране» [де Миранда 2001: 31]; подхалимство: «Приходил также господин Роуэн, пригласивший на обед по-английски и наговоривший множество комплиментов» [де Миранда 2001: 168]; похотливость: «...внизу веселился и плясал простой люд, одни мужчины, которые не уступят в похотливости самой последней» [де Миранда 2001: 184]; необразованность, напрямую контрастирующая с образованностью: «Эти люди [Горчаковы] полагают, что образование сводится к умению хорошо танцевать, и их дети более ни в чем не нуждаются» [де Миранда 2001: 185]; снобизм: «[Пётр Великий подавал] наилучший и полезнейший пример простоты и умеренности – качеств, не слишком распространённых среди этого народа» [де Миранда 2001: 204].

К подобным характеристикам относятся и легковесность суждений: «[В этом выражении] явственно проявилась легковесность суждений, свойственная большинству подобных людей» (речь идёт о Куракиных) [де Миранда 2001: 239], а также суеверность: «архитектор повесился, и поскольку люди здесь суеверны, то работы прекратили» [де Миранда 2001: 260].

Из последних четырёх абзацев становится ясно, насколько противоречивым представляется концепт типичного жителя России: выделить черты, присущие всем россиянам сразу, – задача крайне сложная.

Следующим, что мы рассмотрим, станет альтернативный взгляд на Россию: взгляд собственно жителей страны, с которыми де Миранда имел возможность личного общения.

В словах, касающихся населения России, встречаются такие её характеристики, как незрелость: «русские – незрелая нация, наподобие плодов, коим приходится дозревать в апельсиновой» [де Миранда 2001: 70–71]; присутствие деспотизма, описанное в словах архиепископа, который сказал, что «его весьма удручает деспотизм в стране» [де Миранда 2001: 200]; незрелость юридической сферы: «[Господин Билан] рассказывал об отсутствии какой-либо системы, беззаконии и невежестве, царящих в этой области [юридической], от коей в основном зависят счастье и здоровье общества, о злоупотреблениях при распределении вакансий и проч.» [де Миранда 2001: 277]; высокий авторитет образовательных учреждений: «Мы продолжали беседовать с нею [госпожой Каменской], и она сказала, что не хочет,

чтобы её дети получали образование за границей» [де Миранда 2001: 175]. И здесь мы снова видим противоречие: незрелость нации перекликается с развитыми образовательными учреждениями. Стоит отметить, что связь между неразвитой юридической системой и деспотизмом установить можно.

Таким образом, Россия в глазах дипломата – страна, имеющая противоречия практически в каждой своей сфере. Стойкие, brave, сильные духом солдаты получают качественное обмундирование на английский манер. В то же время их жалование де Миранда характеризует как «самое мизерное». Направленная на развитие образования, политика Екатерины II обделяет вниманием учреждения, открытые при Петре Великом, не принимает никаких мер относительно неравенства в мужском и женском обучении. Та же ситуация наблюдается и в области здравоохранения: развивая новые учреждения, императрица закрывает глаза на старые больницы.

Россия в дневниках де Миранды – страна, проходящая активное экономическое развитие: высокого качества мануфактуры отлично сочетаются с концептом активного демографического развития. В то же время встречаются и описания России как ужасно бедной страны с воруящим, страдающим от цинги, сифилиса населением.

Красивейшие архитектурные постройки – следующая особенность России, цепляющая взгляд де Миранды. Как он узнает впоследствии, однако, материалы для подобных сооружений используются весьма посредственные.

Серьёзнейшее социально-экономическое неравенство – следующая характеристика России, которую отметит дипломат. Причиной тому представляется неграмотное распределение власти, при котором юноши 14–16 лет, «являющиеся прямыми потомками Чингисхана» [де Миранда 2001: 66], получают звания младших офицеров в гвардейском полку сугобо по родовому признаку.

Россия в дневниках де Миранды – страна с обширнейшими и в то же время практически неосвоенными территориями, плохо развитой сферой сельского хозяйства.

Российская Империя противоречива, противоречиво и её население. Изобретательные, высокорелигиозные, гостеприимные, образованные, стойкие, толерантные россияне противопоставляются бесчестным, азартным, похотливым, необразованным, суеверным подхалимам и снобам, чьи суждения легковесны. И все живут в пределах одной страны!

Такой Российская империя предстаёт испанскому дипломату Франсиско де Миранде во время его годового путешествия – страной, проходящей активное развитие в одних сферах и сильнейшую деградацию в других; страной, в которой высокооб-

разованные люди уживаются с гражданами, совсем не имеющими образования; страной, в которой два человека за ночь могут проиграть сумму, которую типичный работник будет копить 8 лет при условии полного отсутствия трат.

Список литературы

Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России / отв. ред. Б.И. Коваль [АН СССР, Ин-т всеобщ. истории]. М.: Наука, 1986. 349 с.

Де Миранда, Ф. Путешествие по Российской Империи = Viajes por el Imperio de Rusia / Франсиско де Миранда; пер. с исп. В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой. М.: Наука: Интерпериодика, 2001. 362 с.

Косторниченко В.Н. “Русская Америка” и международная дипломатия: Франсиско Миранда при дворе Екатерины II // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Общественные науки. 2018. № 3 (806). С. 85–97.

Лаврецкий И.П. Миранда [1750–1816]. Москва: Мол. гвардия, 1965. 272 с.

Archivo Del General Miranda. Viajes Diarios, 1785-1787. Caracas, Editorial Sur-América, 1929, vol. 2, 476 p.

Bohórquez Morán C. Francisco de Miranda. Precursor de las independencias de la América Latina. Caracas, Universidad Católica Andrés Bello / Universidad del Zulia, 2001, 365 p.

Egea A. Francisco Miranda. Madrid, Historia, vol. 16, 1987, 155 p.

Parra-Perez C. Miranda y la revolucion francesa. Segunda edicion. Caracas, Ediciones culturales del banco del Caribe, 1988, t. 1, 289 p.

Sanchez D. Vigilado por las embajadas espanolas. Revista de Indias. 85-86. Madrid, 1961, pp. 512–514.

Thibaud C. Coupé têtes, brûlé cazes’ peurs et désirs d’Haïti dans l’Amérique de Bolivar: Révolutions dans l’aire caraïbe. Annales. Histoire, Sciences Sociales. 58e Année. 2. Paris, Editions de l’école des hautes études en sciences sociales, 2003, pp. 305–331.

References

Al'perovich M.S. *Fransisko de Miranda v Rossii* [Francisco de Miranda in Russia], ed. by B.I. Koval', AN SSSR, In-t vseobshch. istorii. M., Nauka Publ., 1986, 349 p. (In Russ.)

De Miranda, F. *Puteshestvie po Rossijskoj Imperii = Viajes por el Imperio de Rusia* [Journey through the Russian Empire = Viajes por el Imperio de Rusia], trans I. V.A. Kapanadze, E.F. Tolstoj. M., Nauka Publ., Interperiodika Publ., 2001, 362 p. (In Russ.)

Kostornichenko V.N. “*Russkaya Amerika*” i mezh-dunarodnaya diplomatiya: *Fransisko Miranda pri dvore Ekateriny II* [“Russian America” and International Diplomacy: Francisco Miranda at the Court of Catherine II]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Social Sciences], 2018, № 3 (806), pp. 85–97. (In Russ.)

Lavreckij I.P. *Miranda [1750–1816]*. [Miranda [1750–1816]]. Moscow, Mol. gvardiya Publ., 1965, 272 s. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.